

«Я не люблю рыдать и плакать»

Заслуженная артистка России, актриса театра «Буфф» Наталия Владимировна Бобровнича рассказала о том, как актер справляется с охватывающим его мандражом перед выступлением, как он обманывается или верит в себя на сцене, как борется с образом, или принимает и проживает его. А также поделилась своим видением действительности и дала ценные напутственные советы начинающему поколению актеров.

– **«Весь мир - театр, В нем женщины, мужчины – все актеры».** Согласны ли Вы с этим высказыванием Шекспира? Играете ли Вы в жизни, или только в театре?

–Никогда, за исключением редких моментов. Мы же отдыхаем в жизни; зачем нам играть в жизни! Нам нужно смотреть на людей и запоминать какое-то интересное их поведение, способ размышлений, разговора. Вот за этим интересно наблюдать: за тем, как люди себя ведут в предлагаемых обстоятельствах, а ещё, если они попадают в историю – и как они себя самовыражают, добиваются своих целей. Очень интересно! Артист в обычной жизни, мне кажется, он наблюдатель, а играем мы, конечно, на сцене – и то, как мы играем: мы стараемся почувствовать изнутри этот образ, который создаем во время репетиций, что весьма сложно.

Я вам скажу, когда я играла. Я играла, когда ещё училась в театральном институте. Тогда Алла Борисовна Пугачева была звезда такая, и самый взлет её был такой, что Октябрьский зал преграждался всякими заграждениями и милиция стояла. И вот мы с соседкой решили пойти туда бесплатно... через два кордона милиции (смеется)! И нас пропустили. Такое счастье, такая радость была, что просто не передать. Специально бог послал, что мы должны учиться у того мастера!? И когда я смотрела на неё, как она работает, мне казалось, что так, как она работает, не совпадает с тем, как меня обучали тогда в театральном институте. Мы занимались вокалом, нам ставили голос: как подать, куда направить – классическая школа пения была. А у Аллы Борисовны такая тонкая режиссура была, что она меня просто поразила: она была здесь и сейчас, она проживала так, как она проживала эту песню, и она брала всех, весь зал. Это талантливейшая женщина. Она – королева и личность высокого плана. Я ей посвятила стихотворение.

Видно, сан твой дорого стоит,
И играешь собою везде.

След какой-то таинственной боли
Расставанье оставило мне.
Оттого ль, что мы можем свободны
Быть от взглядов навязчивых лиц,
От любви к тебе чьей-то голодной.
А кто-то и сплетней грозит: «С кем, мол, спишь,
И что пьешь ты сегодня, и что пела –
Не так, как могла, –
А открыто, под голос свой пела,
А кого-то с ума тем свела.
И что, видно, завидуешь все же
Тем, кто нынче тебя помоложе?»
Но смеется в ответ королева.
Королева позволить может.
И бросает она свое слово
резким выпадом брэнной толпе.
Видно, все-таки очень непросто
Нести крест славы своей судьбе.

Мне раньше казалось, что весь наш актерский мир, он настолько взаимосвязан сверху и снизу, что мы, как бы, должны быть открыты друг другу. У нас нет иерархических лестниц, потому что мы живем для людей. И здесь я наткнулась на то, что они есть, что мы из разных миров: она – из высокого, а я, будем так говорить, из среднего, или, я не знаю – низкого.

–Вы находите понимание с юным поколением Вашего театра?

–Наш театр отличается тем, что у нас первый состав, который его открывал. Мы не избалованы кинематографом и славой. У нас какие-то абсолютно адекватные люди, которые любят молодые таланты. Мы на них смотрим с огромным интересом, когда они делают что-то хорошо. Потому что это смена идет, потому что мы любим наш театр, и мы хотим, чтобы они продолжили наше дело. Если у них есть искреннее желание, нас охватывает буря восторга, радости, мы их на руках можем носить. Я акцентирую на этом внимание. Моя гордость от этого не упадет, и корона не свалится.

–Наталья Владимировна, Ваши учителя на сцене и в жизни.

–Алла Борисовна – первая (смеется). У неё такие глупости, что граничат с афоризмами

–И на сцене и в жизни?

–В жизни, к сожалению, нет. Учителя – мои коллеги (смеется).

–Всю жизнь чему-то учишься.

–Всю жизнь чему-то учишься, и они меня учат. Мы же все разные. Вот у нас есть Мурад Султаниязов, замечательный актер. Это просто прелесть, это Дар божий, это явление.

Люди – они тоже учителя, с которыми ты встречаешься, с которыми общаешься, учишься у них. Ты же потом выносишь то, что берешь у них, хотя бы, как собранный образ. И конечно, мастер Исаак Романович Штокбант. Я вам скажу, ну повезло ж мне, Господи, как всем нам! (Смеется.) Как я его люблю. А ведь он мне такие нелюбимые вещи иногда говорил. Он же меня хотел выгнать с первого-второго курса. Я никогда не могла обижаться на него, потому что он вещи говорил честные. Я старалась быть всегда сама собой. Я понимала, что здесь недорабатываю на актерское мастерство, которое мне не было понятно вначале, когда я училась.

–Актерское мастерство – это всегда быть в тонусе?

–Артист обязан быть на сцене. Если он не на сцене, если у него нет тренажа, он начинает закомплексовываться, он начинает бояться, он начинает врать, и с ним надо опять работать. Мне кажется, как тело, так и психофизика нуждаются обязательно в тренировке...

–По системе Станиславского?

–Это единственное, на что мы должны уповать и надеяться, потому что если бы не она, то спектакль просто бы развалился. Это главное, конечно. Это действие, это цель, предлагаемые обстоятельства, это погружение. Погрузиться в этот образ, найти ему оправдание, найти свои близкие с ним черты, и самому стать им, да. Что

*Наталья Бобровнича в роли Бабушки
Спектакль "Снежная королева", Театр "Буфф"
Фото Виктора Васильева*

сложно в актерской профессии, что надо сразу все выдать. Правда? А потом уже линию развивать. Этот образ, самочувствие в нем – надо ж сразу в это войти. Я считаю, что когда репетируешь что-то, это все равно, что объездить дикую лошадь. Она спотыкается, сопротивляется... Я не люблю, когда меня отвлекают. Когда ты пришел на спектакль, ты должен быть один. Мне очень нужно, чтобы я была одна, и чтобы мне никто не мешал. Тогда я собираюсь, привожу себя в порядок. Я себя обманываю, честно говоря. Я стараюсь обмануть себя тем, чтоб не волноваться, чтоб в тебе не было мандража и зажима.

–А как освободиться от зажима?

–Я вспоминаю, как я выходила на сцену, когда пела одно и то же. Вы знаете, как это надоедает. А надо делать. Я стою за кулисами, думаю: так, что я себе разрешаю? Я отстраняюсь от всех. Я одна, я ни с кем не разговариваю. Сейчас мой выход: сосредоточить голову, вспомнить текст хотя бы. Потом думаю: голос, будет он слушать меня или нет? Не знаю. Я помычала у себя в гримерке немножко, но как он будет в микрофон звучать, понятия не имею. Страшно! Что ж теперь делать? Думаю так: нужно любить себя, простить, выйти и просто получить удовольствие. Посмотреть на публику, найти какое-нибудь хорошее лицо, и так иронично к себе отнестись, вспомнить песню, которая тебе же нравится. И давай потихоньку вот эту вот песню, как ты сегодня её чувствуешь. Я начинаю эту песню. Потом я уже

забываюсь, – что-то за ней. Я в этом состоянии. У меня душа начинает открываться, и зрителю это передается. Это ж такая прелесть. Это же сотворчество.

– Восстанавливается эмоциональное поле ...

– Да-да-да. Вот так я себя обманываю постоянно. Я выхожу на сцену. Но если роль не знаешь – это ужасно, это дополнительный стресс. Поэтому мы перед спектаклем обязательно прокачиваем, вспоминаем что-то. Главное состояние – поймать состояние. А потом я уже начинаю отталкиваться от партнера, потому что нужно быть здесь и сейчас. Честно глядя ему в глаза, не зная, что ты будешь ему говорить (то есть ты, конечно, знаешь, но на самом деле делаешь вид, что не знаешь). И вот эти слова должны идти сами собой, потому что смотришь на него: а как сказать? Ты скажешь так, как он на тебя посмотрел, или как он тебе ответил. Вот это и называется игра. Это же интересно, и тогда зритель в этом всем будет вариться.

В каких противоречиях Вы находитесь со своими героинями?

Иногда мне так тяжело, если бы вы знали. Я иногда на сопротивление работаю. Чего я терпеть не могу – не люблю рыдать и плакать. И так у нас в жизни столько

всего неприятного. Так хочется здесь получить радость, тем более что кредо нашего театра – нести радость людям. Вот в «Казанове в России» я иногда играю такую маму, крестьянку. Какая доля тяжелая! Я её так чувствую, что для неё мне хочется выпить. Чтобы снять отрицательный груз этой тяжелой женской доли. Вечно русской.

– Наталья Владимировна, что для Вас является откровением актерского мастерства?

– Там, где речь идет о морали, о добре и зле, о мужчине и женщине, о том, как мы далеки, и как нам сблизиться. Что есть мораль, что есть не мораль, и как это сложно. У каждого своя правда. Одному эту правду можно простить, а другому – нет.

–В какой мере современный актёр несёт в себе зрелищный и исповедальный характер?

–Как говорил наш мастер Исаак Романович Штокбант, есть два вида актёров: одни пропускают роль через себя, они проживают её, а вторые представляют эту роль отстраненно. Они себя контролируют, произносят текст, но не цепляют публику. Но они могут быть технически сильными актёрами, то есть у них все выверено. Это смотрится! Можно так и обмануть, потому что драматургия помогает. Но самое-то главное – это ансамбль. Самое-то сложное – этот алтарь, когда работают все звенья одной цепи в общей гармонической связке.

–Что Вы можете пожелать юному поколению актёров, которые наступают Вам на пятки?

–Я могу пожелать, чтобы у них была замечательная творческая судьба. Они мне не мешают, пусть они наступают на пятки. Я радуюсь, что они есть. Что я могу пожелать? Ну, мы ж все так любим себя грызть, самоедством заниматься. Надо с умом к этому относиться. Надо уметь себя прощать в хорошем смысле. Только немножко больше поработать. А потом отдохнуть. Должна быть умеренность. Чтобы образ наполнился душой, её надо накопить.

Беседу вели: Григорьев Виктор и Пинчук Алина

4 октября 2014, Санкт-Петербург